

Получив поддержку Чэн И, Ань Янь сжал свои маленькие лапки в кулачки, украдкой указал на отца Чэн и дал знак Чэн И переправить его туда.

Чэн И послушно вытянул руку и поднёс малыша к отцу.

Внезапно взгляды всех, кто был в автомобиле, устремились на Ань Яня, отчего ему стало почему-то немного не по себе.

Отец Чэн И, должно быть, тоже его любит, так что всё будет хорошо.

Ань Янь мысленно подбодрил себя, а затем, обращаясь к отцу Чэн с серьёзным выражением лица, протянул к нему свои две маленькие лапки:

- Ци-ци-ци-ци-ци. - Ты можешь меня обнять?

Отец Чэн опустил голову и посмотрел на Ань Яня. Выражение его лица не изменилось:

- Янь-янь хочет, чтобы я тебя обнял?

Ань Янь серьёзно кивнул, и на его хомячьей мордочке медленно расплылась немного глуповатая улыбка.

Но отец Чэн не сдвинулся с места, а выражение его лица, напротив, стало ещё более серьёзным.

Ань Янь подождал немного и начал беспокоиться. Неужели отец Чэн И не хочет его обнимать?

И когда Ань Янь уже начал нервничать и подумывал, не забраться ли ему обратно, отец Чэн наконец отреагировал.

Он глубоко вздохнул, медленно протянул руку и осторожно взял маленького хомячка, стоявшего на ладони Чэн И, а затем очень медленно прижал его к своей груди и негромко сказал:

- Янь-янь такой послушный.

Когда его впервые обнял отец Чэн И, Ань Янь тоже чувствовал себя не в своей тарелке. И, возможно, ему только показалось, но он отчётливо чувствовал, что отец Чэн И весь напряжён и скован.

Пока Ань Янь послушно сидел на руках у отца Чэн, не смея шевельнуться, рядом внезапно раздался тихий смех мамы Чэн:

- Тебе просто нужно было обнять Янь-яня, чего ты так сковался? Ты его так держишь, ему тоже неудобно.

Отец Чэн с серьёзным видом опустил голову, взглянул на Ань Яня, затем скованно сменил позу, но, кажется, это не помогло.

Мама Чэн не удержалась от смеха:

- Если ты не знаешь, как правильно держать Янь-яня, может, отдашь его мне?

- Не надо, - отец Чэн тут же отказался и даже поднял одну большую ладонь, заслоняя ею Ань Яня, словно боялся, что жена выхватит у него из рук маленького хомячка.

Мама Чэн безжалостно подколола его:

- Тогда веди себя естественнее, не сиди как статуя.

Только тогда Ань Янь понял, что отец Чэн И вовсе не не любит его, просто раньше он никогда его не обнимал, поэтому и вёл себя так скованно.

Поняв это, он перестал беспокоиться.

Чтобы отец Чэн чувствовал себя менее скованно, Ань Янь сам нашёл удобное положение у него на руках, устроился поудобнее и принялся грызть орешек.

Увидев, что хомячок на его руках чувствует себя так свободно, отец Чэн постепенно расслабился и под руководством мамы Чэн медленно освоил навыки ухода за маленьким хомячком.

Глядя, как малыш так уютно устроился с его отцом, Чэн И, хотя в душе и закипала лёгкая ревность, в целом чувствовал скорее удовлетворение.

Больше всех, пожалуй, расстроенным чувствовал себя Чэн Ян, сидевший на другом сиденье.

Хотя раньше ему ни разу не удавалось взять маленького хомячка на руки, но хотя бы отец был в таком же положении, и на душе у Чэн Яна было более-менее спокойно.

Но теперь даже отец удостоился права держать хомячка на руках, и при этом хомячок сам попросился к нему на руки! Как же ему, Чэн Яну, теперь это пережить?!

При этой мысли Чэн Ян аж позеленел от зависти. С невыразимой тоской во взгляде он уставился на хомячка, который грыз орешек на руках у отца. Почему? Почему? Почему?!

Такого милого хомячка ещё никто, кроме него, не держал на руках?!

Ань Янь, который до этого очень весело грыз орешек, внезапно почувствовал, что у него за спиной похолодело, словно за ним пристально наблюдало что-то странное. Он медленно повернул голову и встретился взглядом с большими глазами Чэн Яна, полными печали.

И тут он вспомнил, что в том разговоре, кроме отца Чэн И, участвовал, кажется, ещё и Чэн Ян.

Маленький хомячок со стыдом втянул голову, с сожалением отложил свой любимый орешек, повернулся к Чэн Яну и протянул к нему обе маленькие лапки:

- Ци-ци-ци. - Ты тоже меня обними.

Чэн Ян, который ещё мгновение назад был полон тоски и печали, увидев жест маленького хомячка, просиял глазами и тут же протянул руку, чтобы забрать к себе на руки этого милого хомячка.

Но кто ж знал, что его рука успеет пройти лишь половину пути, как наткнётся на большую ладонь. Отец Чэн с серьёзным видом посмотрел на Чэн Яна и неодобрительно сказал:

- Янь-янь ест орешек, не мешай ему.

С этими словами отец Чэн собственноручно развернул маленького хомячка обратно, а затем снова протянул ему в маленькие лапки надкусанный орешек:

- Янь-янь, ешь скорее, скоро уже парк аттракционов.

Чэн Ян: «???»

Разве они с отцом только что не были на одной стороне? И как же теперь...

Вот именно, перед соблазном подержать хомячка любые революционные узы можно запросто выбросить на свалку!

Рука Чэн Яна ещё не успела опуститься, а в душе у него уже началась истерика.

Всё обман! Всё это ложь!

Хотя Ань Яню и было немного жаль Чэн Яна, но, учитывая, что это сделал его собственный отец, он мог лишь, испытывая лёгкое чувство вины, продолжать старательно грызть орешек, не смея даже взглянуть в сторону Чэн Яна.

Несколько минут спустя аэромобиль приземлился у входа в парк аттракционов. Чэн И забрал малыша, который грыз орешек всю дорогу, и положил его к себе на грудь, в специальный

карман.

Верхняя часть этой одежды была специально обработана: на груди имелся большой выпуклый карман, который на первый взгляд казался просто оригинальным дизайнерским решением, но на самом деле был сделан специально для того, чтобы помещать туда малыша.

Кроме того, внешняя ткань этого большого кармана выглядела обычно, но на самом деле была сделана из специально подобранного односторонне-прозрачного материала.

Если смотреть снаружи внутрь, этот материал казался обычной мягкой тканью, но если смотреть изнутри наружу – он был полностью прозрачным, что позволяло малышу любоваться окрестными видами.

Внутри карман тоже имел свои секреты: помимо удобного пространства, где можно было сидеть или лежать, в нём было предусмотрено несколько маленьких кармашков для всяких мелочей.

Вопрос безопасности тоже был учтён: этот карман был достаточно просторным, достаточно хорошо вентилировался, а края были сшиты с соблюдением очень высоких требований к плотности. Кроме того, сверху кармана была сделана специальная застёжка, которая гарантировала, что малыш не выпадет, как бы ни переворачивался карман.

Но самое главное, конечно, было в том, что положить малыша сюда – это всё равно что положить его прямо себе на сердце, в этом было что-то особенное, какой-то свой шарм.

Устроив малыша, вся семья вышла из аэромобиля и вошла в парк аттракционов.

Хотя семья Чэн в этот раз собралась в парк главным образом ради маленького хомячка, они тоже получали удовольствие от совместной прогулки. Поэтому на всех аттракционах, где можно было кататься вместе, они действовали сообща, и, конечно же, их путь не обошёлся без смеха и радости.

Хотя Ань Янь не мог нормально с ними общаться, все постоянно думали о нём, а Чэн И всё время находился рядом, внимательно наблюдая и сопровождая его, поэтому ему тоже было очень весело.

Среди разнообразных интересных, новых и захватывающих аттракционов быстро пролетело утро. Чтобы маленький хомячок мог спокойно пообедать, они выбрали неподалёку от парка ресторан с хорошими отзывами и взяли отдельный кабинет.

Когда все вместе обсуждали, что заказать, Ань Янь воспользовался паузой и тайком перебрался на руки к Чэн Яну.

Хотя чувство вины никуда не делось, он никак не мог позволить, чтобы Яньян и дальше оставался в обиде.

Чэн Ян, разумеется, был вне себя от радости, когда маленький хомячок сам пришёл к нему на руки. Он обнял его и ни за что не хотел отпускать, а потом, при содействии хомячка, даже кормил его во время обеда.

Чэн Ян, который наконец-то в полной мере насладился и правом держать хомячка на руках, и правом кормить его с ложечки, можно сказать, воспрянул духом и выглядел заметно более оживлённым, чем раньше.

Но как только обед закончился, хомячка у него на руках безжалостно отобрал старший брат.

Чэн Ян был в ярости и отчаянии, но ничего не мог поделать. Однако в глубине души он твёрдо решил, что тоже закажет себе такую же одежду, как у старшего брата, и тогда он сможет постоянно носить маленького хомячка с собой.

После обеда все вместе покатались ещё на нескольких аттракционах. Маленький хомячок в кармане Чэн И кувыркался из стороны в сторону, но выглядел очень довольным – он никогда раньше не играл в такие весёлые штуки.

Последним аттракционом было колесо обозрения.

Колесо обозрения поднимается очень медленно; оно подходит для того, чтобы посидеть внутри, отдохнуть и заодно полюбоваться видами. В тесном пространстве особенно легко возникает романтическая атмосфера.

Впрочем, кататься всей семьёй – это тоже интересно по-своему.

Ань Янь тихо сидел у Чэн И на груди и сквозь прозрачную стенку внимательно разглядывал виды за окном. Он всё больше и больше проникался любовью к этому человеческому миру.

Когда колесо обозрения почти достигло самой высокой точки, Ань Янь вдруг почувствовал, как чей-то палец легонько ткнул его в маленький хвостик. Он быстро повернул голову и увидел, как красивое лицо Чэн И медленно приближается к нему.

Ань Янь недоумённо пискнул:

- Ци-ци-ци? - Что случилось?

Чэн И лишь слегка улыбнулся уголками губ, а затем, кажется, что-то прошептал, но беззвучно. А из-за угла обзора Ань Янь лишь почувствовал, как струя тёплого воздуха коснулась его шёрстки, но совершенно не увидел, как двигались губы Чэн И.

Ань Яню стало любопытно:

- Ци-ци-ци-ци? - Что же ты сказал?

Чэн И тихо рассмеялся:

- Я только что сказал три слова.

Сердце Ань Яня почему-то ёкнуло. Три слова? Какие три слова?

Он инстинктивно наострил уши, готовясь внимательно слушать ответ, но, сделав паузу, Чэн И сказал:

- Но я не скажу тебе, какие именно три слова.

Ушки Ань Яня дёрнулись, и он недовольно заторопился:

- Ци-ци-ци! - Скажи мне скорее!

Чэн И, разумеется, не стал отвечать на его вопрос, а, словно меняя тему, сказал:

- Мы уже миновали самую высокую точку, сейчас спускаемся.

Это я и сам знаю, но что же ты только что сказал? - с досадой подумал Ань Янь, но уже понял, что Чэн И не скажет ему ответа.

Чэн И сквозь тонкую ткань кармана пару раз легонько погладил маленькую головку малыша, и уголки его губ всё это время были приподняты. Однажды он случайно узнал, что если влюблённые признаются друг другу в тот момент, когда колесо обозрения поднимается на самую высокую точку, они будут жить вместе счастливо навсегда.

Когда он тогда это услышал, Чэн И отнёсся к этому очень пренебрежительно и даже счёл это глупостью. Но только что, поддавшись минутному порыву, он не удержался и сделал это.

Поэтому те три слова, которые он только что прошептал малышу, были: «Я люблю тебя».

<http://bllate.org/book/12415/1106151>